

звигаетъ возможность отправлять по нимъ все грузы съ Печоры въ Каму и обратно по расчищенному пути до Устькулома, а отсюда по существующему водному пути по рѣкамъ Вычегдѣ, Сѣверной Кельтмѣ черезъ забытый, но еще сохранившійся Сѣверный Екатеринбургскій каналъ, по Южной Кельтмѣ и Камѣ до Волги.

Такъ какъ вопросъ о постройкѣ канала-тоннели по соображеніямъ экономическаго характера является въ настоящее время для аренакаго земства непосильнымъ, то нынѣ стоитъ на очереди и ждетъ скорого рѣшенія вопросъ о постройкѣ хорошей грунтовой дороги отъ дер. Половинковъ до д. Порожекой на Камѣ черезъ мѣстность, прилегающую къ рѣкѣ Ухтѣ, хранящую въ недрахъ своихъ неисчислимые богатства, которыя только и ждутъ, когда же, наконецъ, наступитъ тотъ счастливый день, въ который они узрятъ свѣтъ Божій.—

В. А. Бѣлоусовъ-Милорадовичъ.

„Сквозь строй жизни“ К. О. Жакова.

(Петроградъ I—III томъ. Изд. 1912—14 г.).

Автобіографія К. О. Жакова, вышедшая въ 3-хъ томахъ подъ заглавіемъ „Сквозь строй жизни“, представляетъ интересъ не столько со стороны художественной, сколько по оригинальному психологическому матеріалу; для сѣверянъ же она, кромѣ того, имѣетъ свое значеніе, какъ произведеніе человека, вышедшаго изъ недръ сѣвернаго крестьянства. К. О. Жаковъ крестьянинъ—зырянинъ Вологодской губерніи—нынѣ профессоръ, творецъ ряда сказокъ и повѣстей, а также и филологическихъ трудовъ, представляетъ собою, какъ свидѣтельствуемъ его автобіографія, оригинальную фигуру, вышедшую изъ породческой крестьянской массы. Съ перваго взгляда книга-автобіографія могутъ многіхъ оттолкнуть: поражаетъ чрезмѣрное обиліе лирическихъ отступленій, мѣшающихъ живому изложенію событій, безконечныя варіаціи однихъ и тѣхъ же мыслей и чувствъ, излишній пафосъ, переизбытокъ слезъ.—все это на счетъ красочности и художественности произведенія, явно претендующаго быть художественнымъ. Но стоитъ глубже задуматься и взглянуть въ содержаніе автобіографіи, и изъ подъ обилія хаотически нагроможденнаго лиризма выступаютъ цѣнный психологическій матеріалъ. К. О. Жаковъ, дѣйствительно, прошелъ „Сквозь строй жизни“, пробилъ твердую стѣну подъ градомъ жизненныхъ неудачъ, отдѣляющую бѣднака-крестьянина отъ человека вышенаго культурнаго уровня. Уже силы К. О. Жакова надорваны въ то время, какъ онъ является творцомъ своей автобіографіи, и это надо имѣть въ виду, чтобы сумѣть выдѣлать цѣнное и объяснить все недостатки и пафосъ стили и странную манію величія рядомъ съ признаніемъ въ своемъ полномъ безсиліи этой выбитой изъ первобытной среды и все же нѣсколько первобытной натуры.

Довольно вѣрно опредѣляетъ К. О. Жаковъ значеніе своей автобіографіи слѣдующими словами:—„Кто же, скажутъ, нищущій это жизнеописаніе? Вѣдь, только великіе интересуютъ мелочами своей жизни. Да, но я человекъ некультурный и къ вамъ пришелъ, господа, переболѣвъ

всѣмъ, всѣмъ вашими болѣзнями. Неужели не интересно вамъ, что пере-чувствовали свѣжій человѣкъ, появившій въ наше царство? Неужели можъ появление не новость? Видь, это новое сочетаніе красокъ и звуковъ“. Что потянуло Оеофилакта Гараморта—К. О. Жакова отъ страстно любимой имъ стъ дѣтства первобытной жизни въ первобытныхъ лѣсахъ, въ „великій городъ“ и заставило говорить: „Покинулъ я свой эдемъ и бросился въ ужасную пучину заботъ и горь“, что оторвало отъ мѣсты, гдѣ „на берегахъ свѣтлыхъ рѣкъ, у прозрачнаго ручья легче дышитъ грудь челоуѣка и мечты его свободнѣе текутъ“ (I ч. 122 стр.). „Изь за звѣзды иду я путешествовать, хочу знать, что тамъ, за этимъ голубымъ небомъ“, говоритъ авторъ въ концѣ первой части своей автобіографіи.—Изь-за страстнаго стремленія къ научнымъ занятіямъ, къ астрономіи и философіи стремится онъ въ городъ. Когда маленькій Оеофилактъ окончилъ сельскую школу, отецъ сказалъ ему: „учиться тебѣ больше не надо, не чиновникомъ, ибдъ, тебѣ быть“, и мальчикъ радъ былъ бы согласиться, но случайно вычитанное изъ старой азбуки свѣдѣніе, что до солнца 100 милліоновъ верстъ неустанно мучитъ любознательнаго ребенка, и онъ твердитъ отцу одно: „отпусти меня учиться“ (I ч. 35 стр.).

Если окннуть взглядомъ жизнь Оеофилакта отъ поступленія въ увѣздное городское училище до поздняго окончанія университета, приходится убѣдиться, что она представляла собою нелегкое испытаніе. По окончаніи училища, побуждаемый самолюбіемъ и любознательностью, онъ поступаетъ въ учительскую семинарію, гдѣ усѣхами въ занятіяхъ добивается стипендіи; но по окончаніи ея губернаторомъ навсегда лишенъ права преподавать въ сельской школѣ.—Съ горя Оеофилактъ напимается на заводъ чернорабочимъ, отдавая дань первобытному размаху своей натуры, въ надеждѣ научиться: „какъ бы не только правой, но и лѣвой рукой двухудовую гирю поднять“ (I ч. 25 стр.). Но влеченіе къ знанію заставляеть его бросить заводъ и подготовиться къ одному изъ послѣднихъ классовъ вологодскаго реальнаго училища, но поступленіи въ которое ему приходится не только учиться, но и зарабатывать уроками себѣ на пропитаніе. Наконецъ, онъ въ лѣсномъ институтѣ въ Петербургѣ и здѣсь вѣчною жизнью впроголодь навсегда расшатываетъ свое здоровье и лишается первобытной физической силы, которою такъ гордился. Затѣмъ, по кончивъ институтъ, онъ было хочетъ стать священникомъ, побуждаемый вѣчными духовными исканіями, но вскорѣ, однако, неудовлетворенный церковными рамками бросаетъ свою затѣю и снова отиравается въ Вологду, гдѣ и попадаеть изъ-за какихъ-то старыхъ знакомствъ на нѣсколько лѣтъ подъ надзоръ полиціи. Надзоръ столь бдителенъ, что Оеофилактъ, натура по отношенію къ полиціи безусловная пассивная, лишается уроковъ—своего единственнаго заработка, и вѣчно плохо одѣтый, унылый, непринесоблещенный къ жизни и все же болѣзненно самолюбивый заслуживаетъ всеобщее мнѣніе о себѣ, какъ о печальномъ чудикѣ. Однако, все то же стремленіе къ знанію освобождаетъ его изъ-подъ гнета вологодской жизни, и наконецъ только къ 35-ти годамъ своей жизни Оеофилактъ заканчиваетъ высшее образованіе, учась сначала въ Кіевскомъ, потомъ Петроградскомъ университетѣ... По къ этому времени силы его надорваны, а огромное самолюбіе навсегда узависло. До крайности угонмленный „великимъ городомъ“ въ слѣдующихъ словахъ обращаетъ Оеофилактъ къ своему любимому сказочнику Каликаритто, ища у него утѣшенія: „Твои слова напоминаютъ мнѣ шумъ

росенъ на бѣлыхъ холмахъ, таинственный шепотъ сумрачныхъ слей въ молчаливыхъ ложбинахъ, тихое мерцаніе звѣздъ блѣдно-голубого небеснаго свода, жизнь здоровую, вольную простыхъ людей на сѣверѣ далекомъ. И вспоминаю то время, когда 2-хъ пудовой гирей игралъ, какъ мячикомъ, а теперь насилу хожу по безпріютнымъ улицамъ безчувственно-чудовищнаго города, большой душою и тѣломъ“. Теофилактъ Гарамортъ окончательно поселяется въ Петербургъ, здѣсь онъ издаетъ свои труды, преподаетъ въ цѣломъ рядѣ среднихъ учебныхъ заведеній и наконецъ добивается профессорской кафедры по зырянскому языку, но ничто его не удовлетворяетъ. Онъ самъ жалуется, что культура испортила его характеръ и вотъ, въ силу нетерпимости характера и нежеланія етѣсняться рамками программы, Теофилактъ не уживается въ учебныхъ заведеніяхъ, кромѣ того, ему кажется, что ученый міръ обидѣлъ его въ правахъ, его мучитъ, что философія его не находитъ признанія. 3-я часть автобіографіи К. О. Жакова—силошной стогъ больной, измученной души:—„Мнѣ такъ горько, что грудь моя и спина болятъ у меня отъ печалей—Гарамортъ не имѣетъ пристанища въ мірѣ и не увѣренъ въ завтрашнемъ днѣ, и по сей поры ни въ какія другія высшія учебныя заведенія не принимаютъ меня, потому что не любятъ меня (III ч. 41 стр.), или: „О, горе, горе и пѣтъ защитника и годы ушли“, или: „моя жизнь есть вѣчное разочарованіе, я, снова разбитый на всѣхъ путяхъ, начинаю сначала“ и т. д. и т. д. Есть большая воля правды въ слѣдующемъ признаніи Гараморта: „Ступилъ я на путь, гдѣ ждали меня великія бѣдствія,—отошелъ я отъ береговъ первобытной жизни и не дошелъ до истинной культуры, всю жизнь плывя по сородинѣ (I ч. 288 стр.). Все хаотично, сумбурно, полно пафоса, восклицательныхъ знаковъ и жалобъ въ автобіографіи К. О. Жакова, но рядомъ съ рѣзкими горделивыми самовосхваленіями, въ родѣ: „о, книга, моя книга, самая сладкая изъ всѣхъ книгъ міра сего, развѣ кромѣ Донъ Кихота Сервантеса и Арабскихъ сказокъ“ (III ч. стр. 74), встрѣчаются правдивыя и глубокія по своему содержанію мѣста: „не литераторъ, а страдающій человѣкъ, сыгъ лѣсовъ Гарамортъ протягиваетъ къ вамъ руки, культурные народы, и говорить: мы страдаемъ, первобытныя племена, понавини въ вашу среду“ (III ч. 41 стр.). Но было бы неправильно думать, что Теофилактъ Гарамортъ только пытникъ. Какъ на протяженіи всего его повѣствованія о своей жизни, такъ и въ послѣдней части остается нѣчто, что сохраняетъ его душу отъ разрушенія, спасаетъ отъ окончательнаго пессимизма, воссиганнаго въ немъ жизнью, это нѣчто—его глубоко оптимистическое религіозно-философское міросозерцаніе, любовь къ знанію и творчеству, любовь къ родному краю, къ дѣвственной природѣ, къ звѣздному небу. Звѣзды поражаютъ его еще съ ранняго дѣтства, когда онъ перебѣжалъ по ремеслу оца—рѣзника Оалалая изъ деревни въ деревню:—„Холодное небо блистало звѣздами, много ихъ было тамъ въ вышинѣ. По снѣжной дорогѣ, между вѣтвями деревьевъ ѣхали мы: Оалалай, Устинья и я, 4-хъ лѣтній „кага“ . Въ дальнѣйшей жизни, когда побуждаемый жаждой познанія онъ ѣдетъ впервые въ семинарію на лодкѣ съ товарищемъ по уроку Выгедѣ, звѣзды снова покровительствуютъ ему: „Золотыя звѣзды показались на небѣ и ласково глядѣли на спящихъ мальчиковъ, не знающихъ куда и зачѣмъ они ѣдутъ по великой рѣкѣ. Луна показалась изъ-за дремучаго лѣса и тихо плыла божественная по голубому своду, благословляя юныхъ спящихъ путешественниковъ“ (I ч.

124 стр.). Утомленный днемъ тяжелаго труда на фабрикѣ, Осифиактъ утѣшается созерцаніемъ звѣздъ и въ описаніи звѣзднаго неба доходитъ до поэтично-художественнаго лиризма: „Ахъ, если-бъ крылья имѣть и влетѣть бы туда, за звѣздный песокъ, туда, въ синюю пысь, чтобъ звѣзды внизу показались“, и дальше: „И сколько ихъ свѣточей въ голубомъ океанѣ! Яркія звѣзды, чуть замѣтныя, и наконецъ бѣлая пыль на темномъ фонѣ! Вожій иконостасъ, вопль тамъ царскія двери за млечнымъ путемъ, надъ ними три звѣзды и посохъ Іакова. На облачныхъ кайросахъ херувимы поютъ. Иногда до ушей нашихъ доходитъ эта небесная музыка“ (I ч. 124 стр.). Со звѣздами жъ и небомъ связываетъ К. О. Жаковъ построеніе своего религіозно-философскаго міросозерцанія: „Такъ возникли мы, звѣзды, изъ первопотенціала, изъ котораго излилось пространство и время, вся свѣтлая горница, цѣль сіяемъ мы во все время и сроки. И все движемся къ тѣмъ цѣлямъ, которыя поставилъ намъ Источникъ жизни“ (III ч. 20 стр.). Оптимистическое религіозное ученіе Жакова съ его идеей, что все объединено въ Богъ, немного напоминаетъ Спинозу съ его грандіознымъ сознаніемъ Божества, а душу, какъ мыслей Бога, только лишено той механичности, которой проникнута философія Спинозы. Ученіе Жакова отчасти также приближается къ современной теософіи съ ея вѣрою въ постоянное совершенствованіе міра, въ вѣчность духовнаго начала, въ способность духа къ перевоплощеніямъ. „Богъ для К. О. Жакова мудръ и благостенъ; кромѣ того, это гигантская энергія, таящая въ себѣ непостижимый запасъ возможностей, Богъ—Первопотенціалъ, и надъ всеми логиками—прологика потенциала, объединяющая все грани міра (I ч. 103 стр.), или: „Вездѣльная вселенная передо мной въ игрѣ своихъ лучей“, „но не о вселенной хочу я гдѣть—Она существуетъ въ ней, но не исчерпалась весь. Изъ Ея тенденции къ пространству и времени и къ энергіи возникли электроны. Она же источникъ потенциальной энергіи. Излился Она въ міръ въ разнообразныхъ тенденціяхъ Своихъ“ (II ч. 57 стр.). Богъ для К. О. Жакова не только гигантская энергія и разумъ, но источникъ любви и предметъ безконечнаго живого поклоненія: „Всю жизнь мою о Немъ. Его пишу, къ Нему стремлюсь и живъ и Изъ же Первопотенціалъ, къ Тебѣ несется мысль на крыльяхъ познанія, та мысль, которая отъ Тебя пришла и къ Тебѣ возвращается“ (III ч. 38 стр.). Богъ является для него и предметомъ горячей вѣры: „Она вѣдь живъ и прикоснулся ко мнѣ, и не умереть рѣчь моя, и радость моя, и печаль великая, покой и трепеть“. Свою метафизику К. О. Жаковъ называетъ эволюціонной религіей, и объясненіе въ краткихъ чертахъ ея сущности уже потому любопытно, что цѣль не только его автобіографіи, но и всѣхъ остальныхъ произведеній, какъ и всей его жизни—проповѣдь эволюціонной религіи: „Миръ идетъ все къ высшимъ цѣлностямъ, слѣдовательно, первопотенціалъ благъ и прологиченъ. Последнее же положеніе—есть главное въ „эволюціонной религіи“, я же поставилъ свою цѣлью распространять эволюціонную религію“ (III ч. 122 стр.).

Кромѣ проповѣди эволюціонной религіи, К. О. Жаковъ преслѣдуетъ еще одну великую цѣль въ жизни и въ своей автобіографіи— „объединить участь сѣверныхъ братьевъ“. Однако, за переизбыткомъ лиризма бытовая сторона отражена слабо. Есть описаніе путешествія по Печорѣ, среди глухихъ сѣверныхъ лѣсовъ, съ упоминаніемъ о тишечныхъ сѣверныхъ сказочникахъ, колдунахъ, о сохранившихся въ глуши ти-

цахъ старовѣровъ, такъ хорошо описанныхъ у М. Пришвина въ его „Очеркахъ“. Любопытнѣе наблюденія надъ бытомъ ивенскихъ пермяковъ. У нихъ поражаетъ его крайняя бѣдность и забитость населенія и, въ силу этого, полное отсутствіе фантазій въ ихъ средѣ. Ихъ жизнь протекаетъ подъ бдительнымъ надзоромъ эксплуататора дѣвника; ихъ деревня, словно маленький островъ въ океанѣ баронскихъ владѣній—куда нельзя ступить ни за покосомъ, ни за рыбой, ни за грибами, ни за ягодами, ни даже за дѣвниками. И все же ихъ бѣдность дѣвники объясняютъ только дѣвностью: „Работай на заводѣ, у барона заводовъ много“ (II ч. 95 стр.). И было растворенный въ роскошной природѣ мѣстности Оеофилактъ печально, глубоко задумывается: „Что за диво, неужели я такъ наивенъ, что ничего не понимаю, или же жизнь суровая жестокая сказка, не только скучная и однообразная, какъ полагаю я это, живи въ большихъ городахъ“ (II ч. 96 стр.). Изъ бытовыхъ наблюденій еще любопытны наблюденія К. О. Жакова надъ жизнью вотинки на сѣверной Камѣ. Здѣсь подъ замкнутостью и недоувѣрчивостью народа вѣра въ языческихъ боговъ сохранилась въ первобытной силѣ и красотѣ. Здѣсь въ глуши на полянахъ, среди дѣвственныхъ дѣсовъ со всѣхъ краевъ собирается народъ и варитъ на кострахъ жертву богамъ въ то время, какъ за деревьями раздѣбтыя дѣвницы водятъ хороводы. Процессъ молебствія Жаковъ описываетъ такъ:—„Два старика вышли впереди всѣхъ въ бѣлыхъ шубахъ, въ армякахъ и въ лаптяхъ и, поклонившись народу, начали моленіе: Инмаръ, богъ небесный, услышь насъ и ты... и ты (перечисленіе боговъ), дайте намъ дождя, тихаго вѣтра, яснаго солнца, урожая рая и полбы и ячменя“ (II ч. 105 стр.). И когда народъ надалѣ ницъ, восклицая „Музьемумъ“ (мать земли), Оеофилактъ, дитя сѣверныхъ инородцевъ, еле сдерживая рыданія, надалѣ вмѣстѣ съ ними, повторяя это же слово.

Этимъ, приблизительно, исчерпывается матеріалъ автобіографіи К. О. Жакова. Его автобіографія—исповѣдь души, исповѣдь убѣжденій и часто горькая жалоба на современниковъ, не понимающихъ его—„сынъ культуры“.

Несмотря на постоянную критику, которую пришлось выслушивать К. О. Жакову, онъ твердо держится своихъ пріемовъ творчества: „Напрасно говорить мнѣ друзья, чтобы спокойно писалъ я, чтобы создалъ литературное произведеніе, примѣняясь къ вкусамъ современниковъ, и меньше давалъ бы мѣста выпадамъ. Я не могу слушать современниковъ, ибо не знаю, что будетъ цѣнить потомство: литературу или правду“, и дальнѣе: „а вѣдь всякій пишетъ преимущественно для потомства; вопросъ другой, дойдетъ ли наше писаніе до него, и удостоитъ ли оно его своимъ вниманіемъ“ (III ч. 33 стр.). Неоплотивъ ли забытая мечта неудачника Оеофилакта-Гараморта, защитника дѣвственныхъ дѣсовъ, широкихъ, свѣтлыхъ рѣкъ и первобытныхъ народовъ, признаетъ ли его научный мѣръ, вспомянуть ли о немъ потомство,—все это вопросъ не настоящего, но можно вполне присоединиться къ его слѣдующимъ словамъ: „Я долженъ показать первобытнымъ народамъ, что силы много въ ихъ груди, терпѣнія, непечатый уголь—стремленій, это буря“, и дальнѣе: „Мы способны къ наукѣ, къ искусству, ко всему высокому и благородному. Первобытные народы—источникъ жизни грядущей. Есть Богъ, помогающій первобытнымъ народамъ. Онъ поможетъ мнѣ, если не побѣдитъ мѣръ, то не быть побѣжденнымъ“ (III ч. 51 стр.).

А. Повѣдская.